

Морозов Илья Леонидович

доктор политических наук,
директор научно-образовательного центра
«Комплексная безопасность»
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Абрамов Александр Эдуардович

эксперт научно-образовательного центра
«Комплексная безопасность»
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

29 мая 2020 г. вступили в законную силу предложенные по инициативе МВД РФ поправки в «Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Целью статьи является политический анализ сущности данных изменений, оценка степени их соответствия характеру современных угроз, порождаемых активизацией экстремистских организаций и движений на территории современной России, и выработка рекомендаций практического характера. На основе инструментария системного и многофакторного подходов сделан вывод о том, что экстремизм как политический феномен в данный момент находится в стадии активизации деятельности, трансформации видов проявления, что требует оперативной реакции со стороны государственных структур. Несмотря на вступившие в силу дополнения рассматриваемой Стратегии, необходима дальнейшая работа по ее оптимизации, в частности, внесение изменений в пункты 4, 15 и 32 относительно используемой терминологии, миграционной политики, системы подготовки кадров по противодействию экстремизму.

Ключевые слова:

экстремизм, терроризм, радикализм, Россия, глобализация, политический протест, социально-экономическое неравенство, анархизм, стратегия противодействия экстремизму.

Morozov Ilya Leonidovich

D.Phil. in Political Science, Director,
Research and Educational Center
for Integrated Safety,
Volgograd Institute of Management – branch
of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Abramov Aleksandr Eduardovich

Expert, Research and Educational Center
for Integrated Safety,
Volgograd Institute of Management – branch
of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

THE STATE STRATEGY OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN MODERN RUSSIA

Summary:

On May 29, 2020, the amendments proposed by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to "The Strategy of Counteraction to Extremism in the Russian Federation until 2025" came into force. The aim of the study is a political analysis of the main points of these amendments, assessment of their compliance with the nature of contemporary threats caused by activation of extremist organizations and movements on the territory of modern Russia and the development of practical recommendations. Based on the set of tools of systematic and multifactorial approaches, the authors come to the conclusion that extremism as a political phenomenon is currently in the stage of intensifying its activity, transforming the types of manifestation, which requires a prompt response from state structures. Despite the amendments to the Strategy that have entered into force, further work is needed to optimize it, in particular changes to paragraphs 4, 15 and 32 regarding terminology, migration policy, the staff training system for countering extremism.

Keywords:

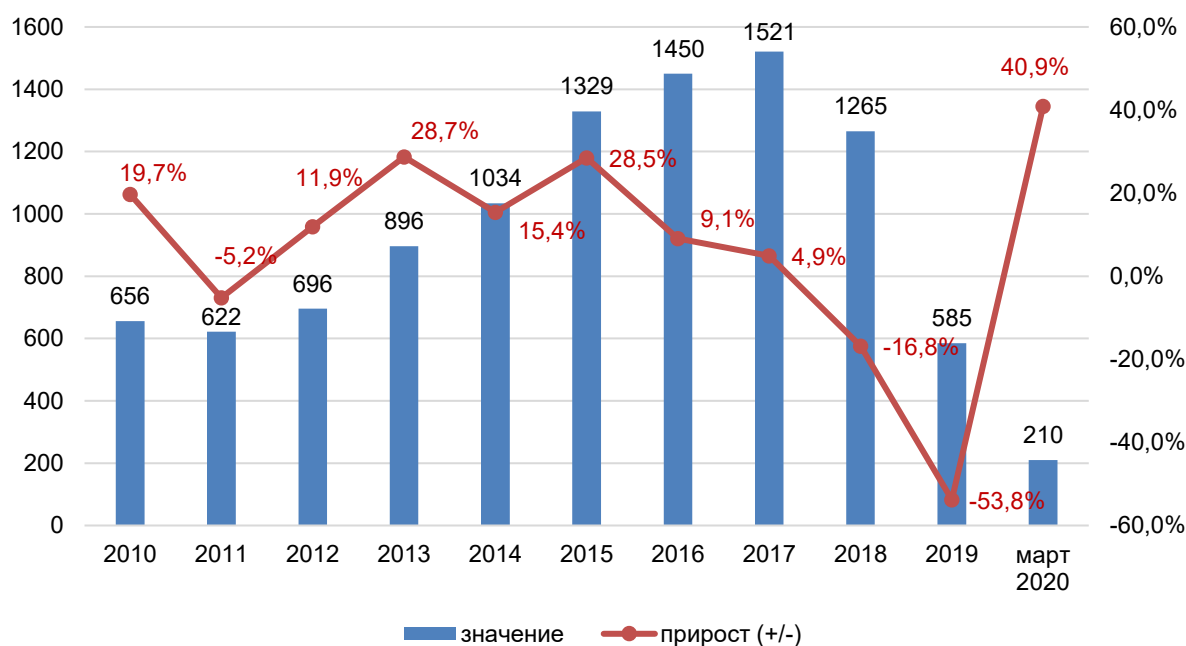
extremism, terrorism, radicalism, Russia, globalization, political protest, socio-economic inequality, anarchism, strategy of counteraction to extremism.

Экстремизм как инструмент борьбы радикальной несистемной политической оппозиции с институтами государственной власти активизировался с конца 80-х гг. XX в. в СССР, находившемся в состоянии коллапса, и затем перерос в серьезную социальную проблему, угрожающую основам общественной безопасности и конституционному строю современной Российской Федерации. Сложность работы органов государственной власти по противодействию экстремистской угрозе объясняется трансформацией, постоянной изменчивостью экстремистских движений и их тактики. Например, традиционно российская система национальной безопасности была максимально ориентирована на противодействие таким видам экстремизма, как сепаратизм, национализм, этнорелигиозный экстремизм [1, с. 101]. Но в последние годы ряд кровавых террористических актов был осуществлен сторонниками леворадикальных идеологий, прежде всего анархистами, что явилось в какой-то степени неожиданностью для российской власти, по устоявшейся традиции недооценивавшей угрозу с леворадикального фланга [2]. Новым трендом явился и размах экологического движения, породившего в том числе и экстремистские формы протеста по

поводу открытия полигонов складирования промышленных и бытовых отходов в регионах России (так называемые «мусорные протесты»). Трагические события в Кемерово (гибель людей во время пожара в торговом центре «Зимняя вишня») выявили потенциальную способность техногенных катастроф становиться точкой сборки движений радикального социального протеста.

Как отмечают российские политологи, рост экстремистской угрозы обусловлен причинами общего характера: «Основным источником развития экстремизма в различных современных обществах является достаточно низкий уровень политической культуры, отсутствие институтов гражданского общества и демократических процессов в условиях правового государства» [3, с. 53]. Не отождествляя понятия «радикализм» и «экстремизм», исследователи указывают на объективную предрасположенность молодежи к радикализации, в том числе и в сфере политических взглядов [4, с. 223]. Этим умело пользуются адепты экстремистских идеологий, осуществляя рекрутинг новых членов в деструктивные организации и движения.

Статистика по зарегистрированным преступлениям экстремистской направленности в России (рисунок 1) выявляет тревожную закономерность роста.

Рисунок 1 – Динамика количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в России в период 2010–2020 гг. [5]

Несмотря на то, что статистические данные отражают значительное падение количества зафиксированных случаев в 2018–2019 гг. (что объясняется пересмотром политики реагирования на выражение оппозиционных настроений в сети Интернет, а затем и частичной декриминализацией статьи 282 УК РФ), с начала 2020 г. последовал такой же существенный рост преступлений экстремистской направленности, наложившийся на процесс трансформации российской государственной власти (конституционная реформа), пандемию COVID-19 и экономический кризис. Это позволило спрогнозировать рост экстремистской угрозы в российском социуме в ближайшей перспективе.

Как своевременная реакция власти на вызовы современности воспринимается совершенствование антиэкстремистского законодательства в России. Так, в мае 2020 г. вступили в силу поправки, внесенные по инициативе экспертов МВД РФ в документ стратегического планирования – «Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия) [6].

Новеллы затронули терминологический (введено понятие «идеология насилия», изменено понятие «радикализм», дополнено понятие «экстремистские проявления» в сторону акцента на угрозу территориальной целостности и конституционному строю России) и генезисный (обновлен список источников внешних и внутренних экстремистских угроз) смысловые уровни документа. Повышено внимание к фактору вовлечения в экстремистскую деятельность несовершеннолетних лиц, а также обозначены направления профилактической работы (например, патриотическое воспитание) с ними. Усилен акцент на фактор новых технологий, применяемых радикальной оп-

позицией в последние десятилетия для подрыва политических режимов государств (так называемые «цветные революции»). Особо подчеркивается роль несогласованных публичных мероприятий как одного из проявлений экстремизма. Внесен также ряд иных дополнений и корректив.

В обновленной редакции Стратегия способна решить свою основную задачу – являться документом стратегического планирования, задающим направления работы органам государственной власти и ориентиры для разработки нормативных правовых актов по противодействию экстремизму. Однако текст Стратегии даже в принятом варианте, на наш взгляд, не является бесспорным и может стать предметом последующей оптимизации. Наиболее характерные из дискуссионных фрагментов текста Стратегии рассмотрим ниже.

Согласно данному документу, в России выделяются три субъекта противодействия экстремизму, на которые возлагается ответственность по пресечению и профилактике экстремистских проявлений:

- федеральные органы государственной власти;
- органы государственной власти субъектов федерации;
- органы местного самоуправления.

При таком подходе получается четко декларируемое противостояние между государством (органы местного самоуправления согласно последним поправкам к Конституции РФ относятся к категории публичной власти, заметно сближаясь с государственными институтами управления) и экстремистски настроенной частью социума. Вне категории субъектов противодействия экстремизму оказываются различные элементы гражданского общества, общественные движения, провластные добровольные организации и ассоциации (лоялисты), церковь, а также учреждения образования и воспитания. Некоторые из них упоминаются в тексте Стратегии, но не как самостоятельные субъекты, а скорее как вспомогательные ресурсы в борьбе с экстремизмом. Между тем экстремизм как социально опасный политический феномен зарождается именно во внесударственных сегментах социально-экономической системы общества, вербуя в свои ряды адептов из разных социальных слоев. Исследователи экстремизма еще в прошлом веке установили относительную закономерность, согласно которой выходцы из образованных и достаточно обеспеченных социальных слоев тяготеют к левоэкстремистским организациям, в то время как более маргинализованные страты поставляют ресурс для националистических профашистских движений.

Как минимум противоречивой с точки зрения политического анализа, а возможно, и содержащей в себе потенциальную проблему правовых коллизий является следующая фраза из текста Стратегии: «В современных социально-политических условиях крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии». Между тем сам термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный), как раз и означает крайность, предельную степень выраженности чего-то. Поэтому при буквальном толковании данной фразы мы получим понимание терроризма как «крайность крайности», что логически противоречиво. Кроме того, утверждение, что терроризм основывается на экстремистской идеологии, противоречит другим российским нормативным правовым документам, согласно которым терроризм имеет собственную идеологию [7].

В значительной степени, на наш взгляд, авторы Стратегии увлеклись внешними факторами роста террористической угрозы, что отражает осложнившуюся с 2014 г. международную обстановку, конфронтацию между Россией и Западом. Достоянием гласности стали факты взаимодействия зарубежных акторов с лидерами российской оппозиции. Однако внешний фактор не должен затенять нарастания именно внутренних проблем российского социума: увеличивающегося экономического неравенства, падения уровня жизни основной массы населения на фоне демонстративной роскоши отдельных государственных служащих и членов их семей, блокирования социальных лифтов. В современном российском политическом пространстве уже стали обычными случаи «династической» передачи депутатских мандатов от отца к сыну, расстановки на ключевых постах в государственных корпорациях, министерствах и ведомствах подросших детей стареющей российской политической элиты.

Все это умело используется в России несистемной оппозицией, потенциально «обкатывающей» технологии «цветных революций» применительно к российскому социуму, для организации как санкционированных, так и несанкционированных массовых протестных акций. Противостоящий ей государственный аппарат в информационно-идеологическом плане также активно использует образ врага [8], для борьбы с которым необходимо мобилизовать лояльные власти силы (например, движение «Антимайдан», казацкие дружины и т. д.). Подобная тактика, основанная на желании хотя бы символически перевести назревающий социально-политический конфликт с очевидной модели «государство против общества», на модель «условно хорошее общество (патриоты) против условно плохого общества» («западные наймиты», «либерал-фашисты» и т. д.) или хотя бы «государство + хорошее общество против маргинализованных отщепенцев».

Если первый из этих трех вариантов потенциально может вывести российскую политическую систему на траекторию «цветной революции», то второй и третий несут в себе риски развязывания гражданской войны. В истории России государственная власть уже апеллировала к подобным технологиям в поисках рецепта эффективной борьбы с политическими радикалами начала XX в. Однако ни «зубатовщина», ни «гапоновщина», ни черносотенное движение возложенных на них надежд не оправдали, более того, лишь приблизили крах российского самодержавия. Глубокий социальный конфликт, раскалывающий общество, эффективно решается только через социально-политический консенсус, пакт между элитой и социумом, государством и гражданским обществом.

В новой редакции Стратегии значительно больше внимания уделено задачам адаптации прибывающих из-за рубежа трудовых мигрантов в российский социум, необходимости профилактики и пресечения ксенофобских, антимигрантских настроений в обществе. Причем авторы Стратегии отдавали себе отчет в том, что трудовые миграционные потоки в Россию идут преимущественно из стран Востока, где население традиционно исповедует ислам, поэтому есть риск проникновения и адептов террористических идеологий. Так, 29 февраля 2016 г. прибывшая из Узбекистана в Москву на заработки психически больная Гюльчехра Бобокулова убила четырехлетнюю Анастасию Мещерякову, после чего выкрикивала исламистские лозунги и угрозы на улицах, размахивая головой жертвы [9]. 3 апреля 2017 г. террорист-смертник Акбаржон Джалилов, уроженец Киргизии, получивший российское гражданство, исполнил теракт в метро Санкт-Петербурга, в результате которого погибло 15 человек [10].

Подобные эксцессы указывают на очевидные недостатки миграционной политики в ее существующем виде. Очевидно, необходим более эффективный механизм выявления в общей массе законопослушных мигрантов лиц, склонных к восприятию экстремистских идеологий. В то же время возможности самой российской молодежи используются государством и бизнесом далеко не всегда в полной мере, что косвенно способствует росту ксенофобии. Так, 13 июня 2020 г. в Волгограде Виталий Васильев, 22-летний безработный, проживающий в общежитии, совершил на почве национальной ненависти жестокое убийство 17-летнего гражданина Азербайджана Тимура Гаврилова. Возможно, найдись будущему убийце достойная работа на одном из городских предприятий или место в высшем учебном заведении региона, его ксенофобские взгляды не сформировались бы. Но данный экономически депрессивный регион не может эффективно осуществлять социализацию молодого поколения.

Следует отметить, что рассмотренный документ является лишь одним из элементов системы антиэкстремистского законодательства России (см., например, [11]), но это тот стратегический элемент, который определяет основные контуры как нормативного правового поля, так и практических направлений борьбы с экстремизмом.

В результате исследования авторы приходят к теоретическому выводу, согласно которому обновление рассмотренной Стратегии является своевременной реакцией представителей российской власти на новые вызовы и угрозы национальной безопасности, социальной стабильности со стороны экстремистских сообществ.

Необходимо обратить внимание на активизацию деятельности внутрироссийской политической оппозиции, особенно ее несистемного спектра, взявшего на вооружение инструментарий «цветных революций». Данный инструментарий не предусматривает использования прямого вооруженного насилия при захвате власти, но переносит акцент на массовые акции неповиновения, провокации. Также усилилось воздействие внешних геополитических конкурентов Российской Федерации, преследующих цель ослабить ее как великую державу и вытеснить с мировых рынков (прежде всего углеводородных энергоносителей). Данные акторы используют инструментарий информационно-психологической войны, направленной на делегитимацию российской власти в политическом сознании граждан страны.

По итогам исследования нами могут быть предложены следующие практические рекомендации:

- дополнить рассмотренную Стратегию (подпункт «д» пункта 4) в части указания субъектов противодействия экстремизму общественными организациями, волонтерскими движениями, социально ориентированными НКО и другими элементами гражданского общества;
- устранить логическое противоречие в пункте 15, трактующем терроризм как «крайность экстремизма», принимая во внимание, что «экстремизм» собственно и переводится как «крайность»;
- внести в подпункт «г» пункта 32 установку на развитие российских национальных трудовых ресурсов и постепенное устранение зависимости страны от услуг внешних трудовых мигрантов;
- дополнить подпункт «е» пункта 32 указанием на необходимость включения учебных дисциплин по информационным и организационным мерам противодействия экстремизму в федеральный государственный образовательный стандарт направления подготовки «Государственное и муниципальное управление».

Ссылки:

1. Матвиенко Е.А. Экстремизм в современном обществе: причины и перспективы противодействия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 100–102.
2. Morozov I.L. Left-Wing Extremism in Modern Russia: Definition, Classification, Trends // Political Science Issues. 2019. Vol. 9, no. 1. P. 19–25. <https://doi.org/10.35775/psi.2019.31.1.003>.
3. Абрамов А.Э. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5. С. 52–57. <https://doi.org/10.24158/pep.2020.5.8>.
4. Ефанова Е.В. Молодежный радикализм: факторы, институциональные формы, особенности // Современная наука и инновации. 2016. № 4 (16). С. 221–225.
5. Показатели преступности России. Динамика [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.07.2020).
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 28 декабря 2018 г. № Пр-2665 // Национальный антитеррористический комитет. URL: https://мвд.рф/upload/site15/notmativnye_akty_2017/Kompleksnyy_plan_protivodeystviya_ideologii_terrorizma_2019-2023.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
8. Харыбин А., Ветрова К., Минжинер А. Образ «врага» в социализации молодежи // Развитие научного и художественного мышления как фактор воспитания личности : материалы международной научно-практической конференции. Волгоград, 2017. С. 70–73.
9. ФСБ начала отрабатывать «террористическую версию» убийства няней ребенка [Электронный ресурс] // РБК. Новости дня в России и мире. 2016. 4 марта. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2016/56d970f19a794746647e07d1> (дата обращения: 10.07.2020).
10. Теракт в Петербургском метрополитене. Расследование и судебный процесс [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 10 декабря. URL: <https://tass.ru/info/7309843> (дата обращения: 10.07.2020).
11. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» ; Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму [Электронный ресурс]: модельный закон ОДКБ : утв. постановлением Парламентской Ассамблеи от 30 октября 2018 г. № 11-3.3. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 10.07.2020).

Редактор, переводчик: Сергейчик Людмила Ивановна